

Сущность права в свете объективного идеализма и натуралистического дуализма

Резюме. Двойственная природа права заключается в том, что, с одной стороны, оно выступает объективным общественным регулятором, с другой стороны, специфика его уникального восприятия предполагает формирование субъективного правосознания. Каждый раз, сталкиваясь с правовыми феноменами, человек переживает эмоции, осознает их и реагирует определенным образом. Формируемая при этом правовая реальность не ментальная категория в голове отдельного индивида, ее объективизация выступает основой для построения социальных коммуникаций и установления общепризнанных границ дозволенного. Специфика правовых феноменов требует уточнения их сущностных признаков для обособления от других объектов окружающего мира. Особое значение в этом контексте имеет признак супервентности, который опосредует детерминированность права базовыми культурными, идейными, социально-экономическими предпосылками. Целью статьи является поиск актуальных методологических инструментов для объяснения онтологической сущности права на основе концептуальных подходов объективного идеализма Платона и натуралистического дуализма Д. Чалмерса. Эти концепции представляются более удачными для объяснения правовых феноменов, чем материалистические концепции, так как позволяют признать самостоятельность онтологического статуса не только у физических явлений. Сознание наполнено интеллигибельными объектами, которые не обладают вещественностью, но обладают собственной сущностью. Идентичность и интенсивность восприятия правовых абстракций подтверждают реальность юридической действительности. В работе используются диалектический, исторический, логический, герменевтический, социологический, формально-юридический, прогностический и другие методы познания.

Ключевые слова: правовая реальность; Платон; Д. Чалмерс; онтология права; натуралистический дуализм; объективный идеализм; правовые феномены; супервентность

Для цитирования: Лихтер П. Л. Сущность права в свете объективного идеализма и натуралистического дуализма. *Lex russica*. 2024. Т. 77. № 8. С. 130–139. DOI: 10.17803/1729-5920.2024.213.8.130-139

The Essence of Law in the light of Objective Idealism and Naturalistic Dualism

Pavel L. Likhter
Penza State University
Penza, Russian Federation

Abstract. The dual nature of law lies in the fact that, on the one hand, it acts as an objective public regulator, on the other hand, the specificity of its unique perception presupposes the formation of a subjective sense of justice. Every time when faced with legal phenomena, a person experiences emotions, becomes aware of them and reacts in a certain way. The legal reality formed in this case is not a mental category in the head of an individual. Its objectification serves as the basis for building social communications and establishing generally recognized boundaries of what is permissible. The specificity of legal phenomena requires clarification of their

essential features in order to isolate them from other objects of the surrounding world. Of particular importance here is the supervenience attribute, which mediates the determinacy of law by basic cultural, ideological, socio-economic prerequisites. The purpose of the paper is to search for relevant methodological tools to explain the ontological essence of law based on the conceptual approaches of Plato's objective idealism and D. Chalmers' naturalistic dualism. These concepts seem to be more successful in explaining legal phenomena than materialistic concepts, since they allow us to recognize the independence of the ontological status not only of physical phenomena. Consciousness is filled with intelligible objects that do not have substance, but have their own essence. The identity and intensity of perception of legal abstractions confirm the reality of legal reality. The work uses dialectical, historical, logical, hermeneutic, hermeneutic, sociological, formal legal, predictive and other methods of cognition.

Keywords: legal reality; Plato; D. Chalmers; ontology of law; naturalistic dualism; objective idealism; legal phenomena; supervenience

Cite as: Likhter PL. The Essence of Law in the light of Objective Idealism and Naturalistic Dualism. *Lex russica*. 2024;77(8):130-139. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2024.213.8.130-139

Введение

Проблемы субъективного восприятия феноменов окружающего мира в полной мере относятся к правовым объектам. Если даже такие «простые» качественные характеристики, как цвета, вызывают неоднозначное восприятие, то как определить объективные критерии справедливости или блага в юридической науке? Для ответа на этот вопрос прежде всего необходимо сформулировать методологическую матрицу, в которой возможно распределение логико-онтологических понятий правовых феноменов и поиск их фундирующих оснований.

Сторонники материалистических концепций акцентируют внимание на физических предпосылках формирования социальной реальности. Однако материалистического мировоззрения не всегда достаточно для понимания сущности правовых феноменов (в том числе правовых идей, ценностей, правосознания). Поэтому при поиске оптимальной стратегии исследования онтологической сущности права целесообразно привлечение дополнительных ресурсов. Среди них можно выделить подходы, предложенные в рамках концепций объективного идеализма Платона и натуралистического дуализма Д. Чалмерса.

Оба философа были сторонниками дуализма в том плане, что постулировали сознание и материю как взаимодополняющие, но не сливающиеся субстанции. Если дуализм Платона предполагает радикальный приоритет идеальных форм над материальным миром, то более осторожный дуализм Д. Чалмерса постулирует нефизическую природу сознательного опыта, который не сводим только к физическим пред-

посылкам. Согласно концепции натуралистического дуализма Чалмерса сознание человека не является полностью детерминированным физическими предпосылками, но может сильно зависеть от них. Философ доказывает возможность фактической супервентности (обусловленности) ментальных феноменов на физических предпосылках при отсутствии логической супервентности. Свою теорию Чалмерс называет натуралистическим дуализмом потому, что в ней доказывается обусловленность реальности сетью фундаментальных законов и когерентных свойств¹. Это определяет ее совместимость с достижениями современной когнитивистики, философии и других отраслей науки.

Основной целью работы является поиск возможных областей применения концептуальных подходов Д. Чалмерса и Платона при разрешении онтологических вопросов права.

Для этого будут последовательно решены следующие задачи:

- 1) изучение алгоритма возникновения у человека феноменального опыта восприятия правовых объектов;
- 2) рассмотрение специфических признаков правовой реальности как части «феноменального» мира;
- 3) определение ключевых материальных и идеальных оснований правовой реальности;
- 4) установление онтологического статуса правовых феноменов с точки зрения натуралистического дуализма и объективного идеализма.

Для разрешения поставленных задач в статье используются общенаучные методы (индукция, дедукция, анализ, синтез), а также частные методы познания: исторический, логический,

¹ Чалмерс Д. Сознательный ум : В поисках фундаментальной теории. М. : УРСС : Либроком, 2013. С. 165.

герменевтический, диалектический, социологический, формально-юридический.

Проблематика восприятия объектов правовой реальности

Современные когнитивные науки отвечают на ряд специальных вопросов о возникновении и функционировании сознания, но в целом эти процессы сохраняют свою таинственность. Однако точно можно сказать, что на сознание воздействуют как физические, так и психологические закономерности. Сознанию неизбежно сопутствует познание, между ними существуют глубокие, фундаментальные связи.

Для того чтобы исследовать субъективное восприятие юридических фактов, мы можем использовать такие термины, как «опыт», «субъективный опыт» и т.п., но всё равно остается открытым вопрос, как именно происходит отражение правовых феноменов в сознании реципиента. По сути, это одна из граней еще не решенной т.н. трудной проблемы сознания² (*hard problem of consciousness*). Ее разрешение предполагает ответ на вопрос, почему в голове человека в принципе возникает сложный феноменальный опыт восприятия окружающего мира.

Разнообразный опыт, за счет которого формируется правосознание, включает в себя эмоции, чувства, мышление. Несмотря на то что формирование опыта происходит в голове отдельного индивида, он предполагает определенную степень объективности. Так, субъект правоотношений осознает правовую конструкцию, например идею недвижимости, которую любой другой субъект воспринимает сходным образом и интуитивно отличает, например, от идеи гражданства.

Сходство и интенсивность восприятия разными субъектами одинаковых идей создают основу для реализации регулятивной функции права и подтверждают реальность юридической действительности. Составляющие ее объекты могут раздражать своей эфемерностью (особенно если речь идет об идеальных категориях права), но сам факт общего профессионального дискурса подтверждает их intersubjective реальность.

В этом заключается двойственная природа правовой реальности. С одной стороны, право — объективный регулятор общественных отношений, с другой стороны, оно всегда воспринимается субъектом, сознание которого имеет дело с феноменальными и психологическими понятиями. Феноменальное понятие можно описать в смысле опыта сознающего субъекта. Психологическое понятие представляет собой каузальную основу поведения³.

Для восприятия правовых феноменов необходимо, чтобы они стали частью воспринимаемой реальности субъекта права. Быть сознательным — значит реализовывать определенное феноменальное качество (например, осознать чувство справедливости в связи с определенным юридическим фактом). С точки зрения юридической науки внимание к этим вопросам важно, так как позволяет объяснить причины выбора законопослушного либо девиантного поведения.

Право как социальный институт всегда возникает по отношению к чему-то внешнему. Ощущение справедливости или равенства может быть зафиксировано лишь по отношению к внешним объектам (равенство социального статуса, справедливая мера ответственности по делу и т.д.). Направленность вовне предполагает объективизацию идей. В принципе, эту экстерналистскую направленность можно узреть даже в самых базовых качественных характеристиках (цвет, запах и т.п.): как цвет предмета не субъективен сам по себе, так и справедливое не может формироваться в голове отдельного индивида. В противном случае создаются релятивистские риски смещения феноменального (проявления объективных характеристик) и субъективно-психологического.

При разрешении вопросов восприятия правовых феноменов нужно учитывать и следующий момент. Логический бихевиоризм объясняет смещение фокуса внимания с феноменального на психологическое за счет тезиса о возможности объяснения любых ментальных состояний через фактическое поведение человека или предрасположенность к определенному поведению⁴. Противники такого подхода отрицают возможность определения ментальных состояний только набором поведенческих

² Chalmers D. Facing up to the problem of consciousness // *Journal of Consciousness Studies*. 1995. No. 2 (3). P. 200–219.

³ Чалмерс Д. Указ. соч. С. 33.

⁴ Ryle G. *The Concept of Mind*. London : Hutchinson, 1949.

диспозиций, независимых от других ментальных состояний⁵. Так, если кто-то убежден, что является свидетелем противоправного деяния, то его реакция не будет однозначно детерминированной. Многое будет зависеть от личных качеств человека, желания предотвратить конкретное правонарушение и т.п.

Конкретное ментальное состояние всегда будет определяться существенным набором других ментальных вводных. Так, убеждение часто неразрывно связано с сознательным опытом. Правовое убеждение может быть неявным, но может способствовать порождению явного (осознанного) убеждения. Наличие явного убеждения о правовых феноменах создает определенную картину правовой реальности в голове человека. Исследование этого процесса имеет не только теоретическое, но и прикладное значение: каким образом правовые идеалы и ценности могут стать убеждениями в субъективном опыте? Можно ли корректировать их формирование за счет определенных приемов? Отдельные сознательные качества способны создавать состояние убеждения, а значит, могут быть использованы в правовой политике.

Специфика уникального восприятия человеком окружающего мира и формирования его убеждений исследуется теорией рецептивной эстетики (*reader-response criticism*), которая первоначально возникла в рамках герменевтики для выявления общих закономерностей взаимодействия между текстом и читателем. В перспективе рецептивной эстетики юридический текст сам по себе не обладает силой воздействия, но обретает ее в восприятии читателя. Особое значение эта концепция имеет в конституционном праве, где тексты выполняют больше прескриптивную, чем дескриптивную функцию. Непрочитанная конституция в свете рассматриваемой концепции не является конституцией; фиктивная конституция создает риски неприятия ее содержания субъектами правоотношений.

От того, насколько эстетичны и обоснованы правовые институты, зависит, будут ли они приняты и поддержаны населением. В современной юриспруденции рецептивная эстетика

может быть использована, например, в целях исследования психологической реакции на проекты ключевых нормативных актов.

Супервентность правовой реальности и возможность множественности реализаций предпосылок права

При исследовании восприятия правовых феноменов значение имеет понятие «супервентность», которое часто встречается в трудах философов аналитической школы. Впервые это понятие было использовано Д. Дэвидсоном для обоснования аномального монизма, т.е. концепции, согласно которой невозможно редуцировать все ментальные качества к физическим основаниям⁶. Впоследствии Д. Чалмерс представил следующую формулировку: «Б-свойства супервентны на А-свойствах, если невозможны две ситуации, тождественные в плане А-свойств, но различные в их Б-свойствах»⁷.

В рамках сложной супервентности правовой системы психологические аспекты не возникают в вакууме, а зависят от внешних факторов. Соответственно, правовая супервентность — это отношение между двумя множествами свойств, где производные свойства (Б-свойства) представляют собой составляющие правовой реальности, которые фундируются совокупностью свойств окружающего мира (А-свойства), доступных для восприятия и осознания человеком.

Признак супервентности описывает качественное своеобразие объектов систем различного уровня, при котором А-свойствами будут выступать определенные культурные, идейные, социально-экономические предпосылки, а Б-свойствами — правовые принципы и другие составляющие. Отношения детерминированности ментальных, биологических, экономических и других систем различного уровня различаются по характеру зависимости, поэтому философско-правовые рамки супервентности требуют отдельного методологического обоснования унифицированных критериев взаимозависимости фактов обыденной реальности, правовой реальности и правосознания⁸.

⁵ Chisholm R. *Perceiving: a philosophical study*. Ithaca, N. Y. : Cornell University Press, 1957.

⁶ Davidson D. *Mental Events // Experience and Theory* / ed. by L. Foster, J. W. Swanson. Clarendon Press, 1970. P. 207–224.

⁷ Чалмерс Д. Указ. соч. С. 55.

⁸ Лихтер П. Л. Супервентность правовой реальности: проблема онтологического статуса эссенциальных и феноменальных элементов // Журнал российского права. 2023. Т. 27. № 2. С. 20–32.

Важным признаком супервентности между двумя системами является отсутствие различий Б-фактов при тождестве А-фактов. Соответственно, в юридической науке установление признака супервентности может применяться при разрешении следующих вопросов:

1. Будет ли различаться система правовых ценностей (Б-факты) при влиянии на них одинаковых социально-культурных предпосылок (А-факты)?

2. Будет ли различаться структура правоотношений (Б-факты) при одинаковой нормативной базе (А-факты)?

3. Как связано формирование правовых норм (Б-факты) и фундирующих их идеальных предпосылок (А-факты)?

Определение различных видов супервентности важно для юридической науки, так как помогает при разрешении вопроса о том, каков онтологический статус различных составляющих правовой реальности. Разделение логической (мыслимой) и естественной (фактически складывающейся) супервентности создает перспективный фон для объяснения онтологической сущности правовых феноменов, в том числе при разрешении дискуссионных вопросов материалистических концепций. Антиматериалистическая аргументация может быть постулирована следующими препозиционными посылками натуралистического дуализма:

1. Правовая реальность — это часть объективной действительности, с которой люди сталкиваются каждый день.

2. Мысленно можно представить мир, идентичный нашему в плане физических характеристик, но без правовых феноменов (без законов, правоохранительных органов и т.п.).

3. Все правовые феномены — это дополнительные факты феноменального мира, потому что их появление не является естественной закономерностью окружающего мира.

4. Таким образом, правовые феномены логически обособлены от физических предпосылок.

5. Следовательно, методологических инструментов материалистических концепций недостаточно для полного объяснения правовой реальности.

При этом теория Д. Чалмерса не утверждает, что умозрительная возможность представ-

ления мира без дополнительных (правовых) феноменов не означает его обязательной осуществимости⁹. Для чистого эмпирического подтверждения этого тезиса необходимо было бы провести эксперимент по созданию множества миров и зафиксировать, как в них формируется правовая реальность в зависимости от различных внешних факторов. Но за счет начальной оговорки о разделении супервентности на логическую и естественную, мы можем обосновать приведенную стратегию прояснения онтологических конструкций права.

Интуитивно следует предположить, что на самом базовом уровне большинство юридических конструкций супервентно на физических характеристиках, например о ценности благоприятной окружающей среды или о неприкосновенности собственности. Значит ли это, что развитие таких правовых ценностей объективно? Обусловлено ли оно прежде всего строгими законами физики, химии, биологии или в нем есть место произвольным факторам? Возможно, каждый вновь конструируемый мир будет обладать спецификой, но ряд высокоуровневых феноменов (конституционный правовой порядок, стремление к социальному равенству, защита интересов определенной категории лиц) будет сохранять значение для любой юрисдикции.

При подобном правовом конструировании необходимо учитывать признак причинности. Причинности как таковой посвящена третья антиномия И. Канта. Согласно его тезису «причинность по законам природы есть не единственная причинность, из которой можно вывести все явления в мире»¹⁰. Проблемой редукционизма в юридической науке выступает возможность множественности реализаций явлений в правовой действительности. Один и тот же Б-факт может быть реализован на основе различных А-фактов; одни и те же правовые последствия могут быть обусловлены различными причинами (необязательно юридическими).

Таким образом, при установлении детерминированности объектов правовой реальности различными предпосылками следует исходить из следующей препозиции: *то, что мы провозглашаем естественной закономерностью, на деле может оказаться случайной регулярностью.*

⁹ Чалмерс Д. Указ. соч. С. 160.

¹⁰ Кант И. Критика чистого разума // Сочинения : в 8 т. / под общ. ред. А. В. Гулыги. М. : ЧОРО, 1994. Т. 3. С. 350.

Объяснение онтологического статуса правовых феноменов в свете правового реализма и антиреализма

Д. Чалмерс и Дж. Мур нередко привлекают понятие «интенционал» при описании процессов в сознании человека. Этот семантический термин определяет содержание феномена через совокупность его мыслимых свойств. Например, в интенционал понятия «судья Российской Федерации» будут входить такие признаки, как человек, совершеннолетний, гражданин Российской Федерации, юрист и т.д.

Обращение к интенционалам необходимо для понимания различных высокоуровневых понятий в юриспруденции. В большинстве случаев они характеризуются функциональными или структурными терминами. Например, для того чтобы человек нечто осознал в качестве дома, требуется, 1) чтобы объект имел стены, фундамент, крышу и 2) чтобы его использовали для проживания. Первый указанный признак выражает структурное условие, второй — функциональное. Второе условие одновременно устанавливает когерентную связь дома с другими сущностями.

Подобный подход также применим к объектам правовой реальности; например, закон должен 1) отвечать формальным требованиям (принят соответствующим государственным органом и опубликован); 2) регулировать фактические общественные отношения либо содержать желаемые цели формирования их на будущее.

При этом законы и другие составляющие правовой реальности не претендуют на повторение феноменального мира. Для юридических ценностей, целей, понятий (как и для других высокоуровневых понятий) важным признаком выступает их интеллигибельность, т.е. доступность для рационального анализа. Правовые феномены должны обладать открытостью для восприятия в той степени, при которой интенционалы выступают в качестве сущностных признаков (функциональных или структурных свойств).

Вопрос о том, может ли правовая реальность быть супервентна на физических свойствах, имеет значение для уточнения возможности формирования однотипной догматики права в

различных национальных юрисдикциях. До настоящего времени такого исследования в рамках юридической науки не проводилось, однако известны тезисы основоположника аналитической философии Дж. Мура¹¹, который впервые поставил вопрос о возможности выведения моральных и эстетических свойств на основе физических предпосылок.

Сам Мур отрицает возможность строгого алгоритма выведения моральных фактов на основе фактов о физических характеристиках¹². Но на деле в теории Мура говорится об отсутствии связующего звена между моральными и физическими фактами. Право и мораль — близкие по ряду показателей социальные регуляторы. У нас мало оснований полагать, что правовые феномены обладают самостоятельной сущностью в сильном смысле этого слова, т.е. возможностью автономного генезиса и развития. Такой вывод можно сделать, если встать на позицию крайнего субъективизма. Но тогда следует предположить, что каждый раз вновь создаваемый мир с одинаковыми физическими предпосылками будет иметь различные формы правовой реальности. Интуитивно сложно согласиться с подобными выводами.

Дуалистические концепции представляются более удачными для объяснения правовых феноменов, чем материалистические, так как правовые нормы (по аналогии с моральными установлениями) отличаются от строгих конструкций материального мира тем, что их можно субъективно принимать или отвергать. В некоторых случаях субъект просто может отрицать существование тех или иных юридических или моральных фактов. Сторонники антиреализма в области восприятия моральных феноменов утверждают, что так как моральные факты невыводимы из естественных фактов, то они не обладают самостоятельным онтологическим статусом. То есть мораль для познания требует обязательной релятивизации и редуцирования до определенного конструкта¹³.

Соответственно, в целях познания правовой реальности может быть выбрана одна из двух стратегий:

1) правовой реализм, т.е. признание самостоятельного онтологического статуса правовых феноменов;

¹¹ Moore G. E. *Philosophical Studies*. London : Routledge & Kegan Paul Ltd., 1922. P. 35.

¹² Moore G. E. *Op. cit.* P. 40.

¹³ Blackburn S. *Moral realism // Morality and Moral Reasoning* / ed. by J. Casey. London : Methuen, 1971 ; Hare R. M. *Supervenience // Proceedings of the Aristotelian Society*. 1984. No. 58. P. 1–16.

2) правовой антиреализм, который открывает дорогу релятивизму при исследовании правовых феноменов.

Для современной постнеклассической науки с ее субъективизацией права свойственно признание субъективной возможности связывать различные первичные интенционалы с онтологическими конструкциями права (в том числе с идеей справедливости), т.е. обосновывается позиция антиреализма. Но более выигрышной представляется первая стратегия, так как если ключевое понятие «справедливость» определяется через стабильный неиндексикальный первичный интенционал, то он неизбежно порождает некую функцию от мира феноменальных фактов к правовым феноменам.

Можно допустить, что существует неконцептуальная априорная связь между фактами феноменального мира и правовыми феноменами. Например, Дж. Мур писал о существовании некой «моральной интуиции», за счет которой моральные свойства супервентны на естественных фактах посредством определенного «номического звена»¹⁴. Однако тогда следует признать возможность возникновения двух феноменальных миров с одинаковыми естественными фактами, но разными моральными (правовыми) фактами.

Правовой реализм предполагает, что правовые феномены супервентны на естественных фактах с апостериорной необходимостью. То есть если правовые понятия имеют первичный интенционал и если идентичные в естественном плане миры идентичны и в части их правовой реальности, то из этого следует существование априорного звена, связывающего естественные предпосылки и правовые феномены.

Для подтверждения самостоятельности онтологического статуса правовой реальности возможно привлечь гипотезу модального реализма Д. Льюиса. Согласно его гипотезе все возможные миры одинаково реальны¹⁵. Применимо к правовой реальности она раскрывается на следующих принципах:

1) правовая реальность существует, она так же реальна, как и феноменальный мир окружающей действительности;

2) объекты правовой реальности являются несокращаемыми объектами;

3) правовая и окружающая «феноменальная» реальность различаются по содержанию, но не по онтологическому виду существования.

Гипотеза модального реализма может быть обоснована следующим доводом. Мало кто спорит с существованием математики. Хотя большинство ее объектов и понятий являются предельно абстрактными, без них невозможны расчеты, поэтому они считаются существующими. Подобная аргументация применима к онтологической сущности правовой реальности. Юридические конструкции помогают при разрешении как теоретических проблем, так и ключевых вопросов взаимодействия в обществе. Соответственно, их объективное существование подтверждается как минимум прагматическими предпосылками.

Значение концепций Платона и Д. Чалмерса для онтологии права

Критики натуралистического дуализма отмечают пробелы объяснения в нем взаимодействия физического и нефизического. Хотя Д. Чалмерс и пишет об их взаимодействии благодаря психофизическим законам¹⁶, но такое объяснение выглядит достаточно спорным. В контексте юридической науки рассмотрение феноменов и их предпосылок может быть дополнено теорией эйдосов Платона.

Теория эйдосов предлагает свой ответ на вопрос «Как надлежащим образом конкретизировать явленность абстрактного для понимания сущности вещей?». Так, в правоотношениях проще использовать понятие объекта, если рассматривать его как абстракцию. Например, описание дома как физического объекта в рамках конкретной сделки будет постоянно неполным. Если дать дефиницию дома как строению со стенами и крышей, то результат не будет совершенным; можно уточнять эту дефиницию, добавляя обязательное наличие фундамента, перекрытий, дверей определенной формы и т.д., но в любом случае этого будет недостаточно для полноценного описания.

Еще сложнее с нематериальными объектами права: невозможно отразить всю совокупность акцидентных признаков настолько точно, чтобы это позволило субъектам право-

¹⁴ Moore G. E. Op. cit.

¹⁵ Lewis D. On the Plurality of Worlds. Oxford ; New York : Blackwell, 1986.

¹⁶ Чалмерс Д. Указ. соч. С. 219.

отношения полностью избежать неоднозначности понимания правовых феноменов. Даже споры, связанные с квалификацией объектов в качестве недвижимого имущества, несмотря на достаточно подробные формулировки ст. 130 ГК РФ, подтверждают необходимость рассмотрения некоторых юридических категорий в контексте объективного идеализма.

Объективный идеализм Платона и натуралистический дуализм Чалмерса актуальны для онтологии права, так как во многом противостоят редукционизму (и его крайней интерпретации — физикализму), который следует монистическому признанию подлинного существования только физических объектов. Там, где у Платона идея дома, у представителя материалистического монизма — здание как совокупность элементов, подчиненных законам физики. Однако реальность не определяется исключительно конфигурацией атомов и молекул.

Во-первых, правовая реальность наполнена объектами, которые нельзя свести исключительно к физическим понятиям (среди них правовые ценности, обычаи, честь, достоинство). Во-вторых, физика, химия и биология — это не завершенные проекты, но области знания со стремительными и постоянными изменениями. За время существования права как социального регулятора сменилось много научных парадигм. И тот факт, что Ньютонова физика уступила место физике Эйнштейна, не повлек автоматическую отмену правовых актов. Кроме того, сегодня недоступен ответ на вопрос, к понятиям какой точной науки должны сводиться все нематериальные феномены.

Объективный идеализм со времен Платона и до сих пор наталкивается на стандартное возражение, что якобы «идеализм отрицает действительность чувственного мира»¹⁷. Однако это не так. Объективный идеализм не отрицает реальное существование «феноменального мира», с которым каждый человек ежесекундно сталкивается в восприятиях и представлениях. Просто, по Платону, субъект не обладает возможностью прямого контакта с онтологической сущностью вещей. Их восприятие подвер-

жено искажению из-за несовершенства человеческих органов чувств и разума.

Кроме того, воспринимаемая человеком реальность слишком противоречива, соответственно, не в состоянии гарантировать истинное знание о ней. В то время как понятие «мир» предполагает упорядоченность в рамках интеллигибельной реальности, т.е. самодостаточной действительности, наполненной постоянными универсалиями. Таким образом, совершенно несправедливо Аристотель приписывал Платону операцию под названием «удвоение мира»¹⁸. Феноменальный мир, поскольку он дан нам лишь в виде хаотического потока восприятий, не может быть основой осмысленной человеческой жизни, так как в нем нет собственных констант, универсалий, — есть только единичное и скоротечное.

Все интеллигибельные правовые феномены можно разделить на доступные только для личного внутреннего восприятия (например, субъективное отношение к правонарушению) и доступные для внешнего субъекта (квалификация правонарушения). Здесь важно установить способы объективного определения истинных внутренних убеждений. Для этого могут использоваться различные методологические приемы и технические средства, ведь часто внутренний процесс соотносится с внешними критериями¹⁹.

Феномен окружающего мира сам по себе нельзя передать другому субъекту (например, чувство жажды). Но можно описать его характеристики, тогда феномен становится интеллигибельным объектом. Для Платона феномены — это просто «компост» интеллигибельного мира и самостоятельной ценности для подлинно человеческой жизни не представляют. Таким образом, предваряя трансцендентальный идеализм И. Канта²⁰, Платон вовсе не удваивает мир, а скорее «сплющивает» всякую возможную для нас реальность до размеров интеллигибельного мира. Это единственная реальность, на которую мы можем опираться в нашей жизни, и единственная основа, которая обеспечивает коммуникацию, взаимопонимание и научное знание.

¹⁷ Auffarth A. Die platonische Ideenlehre. Inaugural-Dissertation. Marburg, 1883. S. 24.

¹⁸ Аристотель. Метафизика // Собрание сочинений : в 4 т. / ред. В. Ф. Асмус, З. Н. Микеладзе, И. Д. Рожанский, А. И. Доватур. М. : Мысль, 1976–1983. Т. 1. С. 86.

¹⁹ Витгенштейн Л. Философские исследования // Языки как образ мира. М. ; СПб., 2003. С. 437.

²⁰ Pippin R. B. Kant's Theory of Form: An Essay on the Critique of Pure Reason. New Haven ; London : Yale University Press, 1982.

Таким образом, в межсубъектных связях по поводу неких благ рождается объективная реальность, которая утрачивает свою субъективность в процессе правоотношений, не предполагающих по определению индивидуальную замкнутость. Понимание интерсубъективности основано на представлении о реальности особого рода, объединяющей дескриптивные и прескриптивные элементы права. Эта реальность динамически развивается во взаимоотношениях.

Сознание наполнено интеллигибельными объектами, которые не обладают вещественностью, но обладают собственной сущностью. Интеллигибельные объекты правовой реальности причастны к объективным идеям. Поэтому нельзя сказать о том, что правовые феномены явлены нам в смысле *existere* (лат. «появляться; быть видимым»), но они безусловно существуют как логико-онтологические единицы, воспринимаемые человеком в качестве элементов объектного бытия.

Выводы

1. Правовая реальность обладает двойственной природой. С одной стороны, право — это объективный регулятор социальных отношений, с другой стороны — ментальное понятие. Право как социальный институт, регулятор, фактор общественной жизни всегда возникает по отношению к чему-то внешнему (ощущение справедливости по конкретному делу и т.п.). Направленность вовне предполагает объективизацию правовых абстракций. В то же время специфика уникального восприятия человеком юридических фактов определяет формирование внутреннего

правосознания. От того, насколько эстетичны и обоснованны правовые институты сами по себе, зависит, как они будут восприняты реципиентом.

2. При исследовании сущности правовых феноменов методологическим значением обладает понятие «супервентность». Супервентность определяет качественное своеобразие объектов систем различного уровня, при котором А-свойствами будут выступать базовые культурные, идейные, социально-экономические предпосылки, а Б-свойствами — составляющие правовой реальности. Разделение логической (мыслимой) и естественной (фактически складывающейся) супервентности создает перспективный фон для объяснения онтологической сущности правовых феноменов.

3. Объективный идеализм Платона и натуралистический дуализм Д. Чалмерса актуальны для онтологии права, так как во многом противостоят редукционизму (и его крайней интерпретации — физикализму). Дуалистические концепции представляются более удачными для объяснения правовых феноменов, чем материалистические, так как необходимо признать подлинное существование не только физических объектов. Многообразие правоотношений не предполагает по определению их индивидуальной замкнутости.

4. Сознание наполнено интеллигибельными объектами, которые не обладают вещественностью, но обладают собственной сущностью. Интеллигибельные объекты правовой реальности причастны к объективным идеям. Идентичность и интенсивность восприятия правовых идей подтверждают реальность юридической действительности и ее самостоятельный онтологический статус.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аристотель. Метафизика // Собрание сочинений : в 4 т. / ред. В. Ф. Асмус, З. Н. Микеладзе, И. Д. Рожанский, А. И. Доватур. Т. 1. М. : Мысль, 1976–1983.
- Витгенштейн Л. Философские исследования // Языки как образ мира. М. ; СПб., 2003.
- Кант И. Критика чистого разума // Сочинения : в 8 т. Т. 3 / под общ. ред. А. В. Гулыги. М. : ЧОРО, 1994. 741 с.
- Лихтер П. Л. Супервентность правовой реальности: проблема онтологического статуса эссенциальных и феноменальных элементов // Журнал российского права. 2023. Т. 27. № 2. С. 20–32.
- Платон. Законы // Собрание сочинений : в 4 т. / общ. ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса, А. А. Тахо-Годи. М. : Мысль, 1990–1994.
- Чалмерс Д. Сознание и ум : В поисках фундаментальной теории. М. : УРСС : Либроком, 2013. 512 с.
- Auffarth A. Die platonische Ideenlehre. Inaugural-Dissertation. Marburg, 1883.
- Blackburn S. Moral realism // Morality and Moral Reasoning / ed. by J. Casey. London : Methuen, 1971. 224 p.
- Chalmers D. Facing up to the problem of consciousness // Journal of Consciousness Studies. 1995. No. 2 (3). P. 200–219.
- Chisholm R. Perceiving: a philosophical study. Ithaca, N. Y. : Cornell University Press, 1957. 224 p.

- Davidson D. Mental Events // Experience and Theory / ed. by L. Foster, J. W. Swanson. Clarendon Press, 1970. P. 207–224.
- Hare R. M. Supervenience // Proceedings of the Aristotelian Society. 1984. No. 58. P. 1–16.
- Lewis D. On the Plurality of Worlds. Oxford ; New York : Blackwell, 1986. 276 p.
- Moore G. E. Philosophical Studies. London : Routledge & Kegan Paul Ltd., 1922. 364 p.
- Pippin R. B. Kant's Theory of Form: An Essay on the Critique of Pure Reason. New Haven ; London : Yale University Press, 1982. 247 p.
- Ryle G. The Concept of Mind. London : Hutchinson, 1949. 340 p.

REFERENCES

- Aristotle. Metaphysics. Complete Works: In 4 volumes. Asmus VF, Mikeladze ZN, Rozhansky ID, Dovatur AI. editors. Vol. 1. Moscow: Mysl Publ.; 1976–1983. (In Russ.).
- Auffarth A. Die platonische Ideenlehre. Inaugural Dissertation. Marburg; 1883.
- Blackburn S. Moral realism. Morality and Moral Reasoning. Casey J, editor. London: Methuen; 1971.
- Chalmers D. Facing up to the problem of consciousness. *Journal of Consciousness Studies*. 1995;2(3):200-219.
- Chalmers D. The Conscious Mind: In Search of a Fundamental Theory. Moscow: URSS: Librocom Publ.; 2013. (In Russ.).
- Chisholm R. Perceiving: a philosophical study. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press; 1957.
- Davidson D. Mental Events. In: Foster L, Swanson JW, editors. Experience and Theory. Clarendon Press; 1970. Pp. 207–224.
- Hare RM. Supervenience. *Proceedings of the Aristotelian Society*. 1984;58:1-16.
- Kant I. Criticism of pure reason. Essays: in 8 vols. Gulyga AV, editor. Vol. 3. Moscow: ChORO Publ.; 1994. (In Russ.).
- Lewis D. On the Plurality of Worlds. Oxford; New York: Blackwell; 1986.
- Likhter PL. Supervenience of legal reality: The problem of the ontological status of essential and phenomenal elements. *Zhurnal Rossiyskogo Prava [Journal of Russian Law]*. 2023;27(2):20-32. (In Russ.).
- Moore GE. Philosophical Studies. London: Routledge & Kegan Paul Ltd; 1922.
- Pippin RB. Kant's Theory of Form: An Essay on the Critique of Pure Reason. New Haven, London: Yale University Press; 1982.
- Plato. Laws. Collected works: in 4 volumes. Losev AF, Asmusa VF, Takho-Godi AA, editors. Moscow: Mysl Publ.; 1990–1994. (In Russ.).
- Ryle G. The Concept of Mind. London: Hutchinson; 1949.
- Wittgenstein L. Philosophical research. Languages as an image of the world. Moscow, St. Petersburg; 2003. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Лихтер Павел Леонидович, кандидат юридических наук, доцент кафедры частного и публичного права Пензенского государственного университета
д. 40, Красная ул., г. Пенза 440026, Российская Федерация
lixter@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Pavel L. Likhter, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Private and Public Law, Penza State University, Penza, Russian Federation
lixter@mail.ru

Материал поступил в редакцию 28 марта 2024 г.
Статья получена после рецензирования 14 апреля 2024 г.
Принята к печати 15 июля 2024 г.

Received 28.03.2024.
Revised 14.04.2024.
Accepted 15.07.2024.